

Сяхоу Лянь с трудом привыкал к чужим постелям, поэтому полночи не сомкнул глаз, а чуть свет уже поднялся. Распахнув дверь, он заметил, что в комнате Се Цзинланя горит свет. Сяхоу Лянь вошёл с чашкой чая и увидел, что Се Цзинлань сидит за столом и сосредоточенно читает книгу, а огарок свечи почти догорел до самого донышка.

Неужели этот парень просидел так всю ночь, даже не прилёг?

Сяхоу Лянь не ошибся в догадках. Се Цзинлань действительно не спал до рассвета. Прежде книги, которые тому доводилось добывать, либо зияли обрывками страниц, либо пестрели кривыми, бессмысленными каракулями, оставленными Се Цзинтао. Этот же свиток оказался первой по-настоящему прекрасной книгой в его руках. Проведя за чтением всю ночь, он вдумчиво разбирал каждую понятную строчку, а то, что ускользало от понимания, зубрил намертво и всё же осилил больше половины тома.

Он жаждал знаний точно нищий, что после долгой засухи дождался спасительного дождя, и был готов проглотить всю книгу целиком.

Сяхоу Лянь не посмел его тревожить, тихонько вышел наружу, прихватил на кухне поднос и, прикинувшись расторопным слугой, принялся слоняться по поместью.

Первая обязанность хорошего ассасина — досконально изучить местность и проложить наилучшие пути для нападения и отступления.

В детстве, спускаясь с гор вместе с матушкой, он всегда следовал по пятам, осматривая окрестности. И хотя у них имелись карты, составленные надежными людьми Цзялань, каждый переулок, канавку, колодец и тайник матушка неизменно обходила лично.

Поместье Се было огромным — пожалуй, раз в пять больше всей обители Цзялань. Сяхоу Лянь потратил немало времени, прежде чем отыскал внешнюю стену. Убедившись, что вокруг ни души, он перемахнул наружу, но едва коснулся земли, как чья-то сильная рука зажала ему рот, и его мгновенно увлекли в укрытие. Обернувшись, Сяхоу Лянь с изумлением узнал давнишнего знакомого — Дядю Дуаня.

Сяхоу Лянь тотчас оживился: наверняка Дядя Дуань пожаловал, чтобы дать ему новое задание!

— Мелкий, влип там в неприятности, не наказывали? Погляди на себя — вылитая мартышка, даже устроившись в чужой дом слугой, никак не уймешься, всё лазаешь везде, — ворча, Дядя Дуань сунул ему в руки парочку пышных булочек, а сам раскурил трубку и выпустил в воздух колечко сизого дыма.

— Дядя, говорите скорее, кого мне нужно убить? Уж я-то исполню заказ чисто и безупречно!

— Убить он собрался, ишь чего удумал! Свою собственную шкуру сбереги — уже удача. Сиди в

этом доме тихо, не создавай мне проблем. У меня дела, нужно срочно съездить в Бэйчжили. А твоя матушка отправилась в Западный Край, вернется не раньше чем через полгода. Веди себя примерно, а если возникнут трудности, разыщи в поместье старика, который рубит дрова. — Напутствуя парня, Дядя Дуань сунул ему в ладонь несколько лянов серебра.

Сяхоу Лянь быстро сообразил, в чем дело, и возмутился:

— Да вы издеваетесь! Разве вы не обещали, что на этот раз мне выдадут именную табличку? Выходит, вы просто пристроили меня с глаз долой, чтобы я не путался под ногами!

— Какая тебе еще табличка, на девку из веселого дома захотел быть похожим? Думаешь, получишь её — и сразу заживешь припеваючи? С твоими жалкими навыками тебя разрубят на котлеты, прежде чем ты успеешь подобраться к цели, — Дядя Дуань щелкнул его по лбу. — Твоё благополучие у меня на уме, когда я велю тебе сидеть смирно. Или ты думаешь, наше ремесло — шутки шутить?

— Я хочу стать таким же грозным ассасином, от одного имени которого всех бросает в дрожь, как моя матушка!

Дядя Дуань покачал головой. Помолчав немного, он тяжело вздохнул:

— Ты уже взрослый, пора сказать тебе правду. Знаешь ли ты, зачем твоя матушка отправилась в эту поездку?

— Убивать Великого Колесничего из Западного Края. Я всё знаю, я читал донесения. Этот человек мастерски владеет скрытым оружием, ядами и еретическими искусстваами, а его секира раскалывает горы. Ну и что с того? В руках моей матушки он все равно окончит свои дни с отрубленной головой!

— А знаешь ли ты, что двое ассасинов из Цзялань уже сложили головы от его руки? Путь в Западный Край далёк, песчаные бури непредсказуемы, и тамошние края сильно отличаются от Центрального Равнинья. Хоть матушка твоя и владеет клинком непревзойденно, это путешествие для нее — девять смертей на одну жизнь. — Дядя Дуань впервые за долгое время сбросил с себя шутливый тон, и лицо его стало до того суровым, что Сяхоу Ляню сделалось не по себе. — Наше ремесло издавна строится на крови: голова висит на поясе, и желающих поменяться жизнями всегда хватает. Скажи мне, доводилось ли тебе в Цзялань встречать ассасинов старше сорока лет? И дело вовсе не в том, что Цзялань не принимает зрелых людей — просто до этих лет мало кто доживает!

— Ч-чушь! Матушка совсем другая! Она в двадцать лет заняла место Гаруды, она наследница главы Клинка Золотого Дракона и школы Ветров и Снегов Шобэя, где еще сыщешь таких владык боевых искусств? Встретившись с ней, негодяи непременно лишатся голов!

— Ладно, ладно, твоя матушка сильнее всех, спорить не стану. Главное, сам трезво оценивай

свои силы. С твоим нынешним мастерством годится разве что диких фазанов да зайцев гонять, ну, может, на тигра с леопардом пойдешь, но о заказных убийствах забудь. Готов побиться об заклад: с таким уровнем на поле боя ты и до двадцати лет не дотянешь. Матушка доверила тебя мне, но если ты вздумаешь геройствовать и расстанешься с жизнью, даже не рассчитывай, что я стану жечь по тебе поминальные деньги!

Закончив говорить, Дядя Дуань нахлобучил соломенную шляпу, взвалил на плечо корабейнический лоток, оставленный у стены, и в мгновение ока превратился в обычного бродячего торгонца, сновавшего между селениями. Ни за что на свете нельзя было признать в нем хладнокровного мастера клинка.

Сяхоу Лянь проводил взглядом крепкую, широкоплечатую фигуру. Грубая холщовая одежда не могла скрыть его мощных, узловатых мышц. Стоило этому человеку обнажить клинок, как перед глазами вставал грозный и непреклонный ассасин Цзялань. Когда-то он преследовал императорского первого секретаря за тысячу ли, и хотя гвардия в парче окружила постоянный двор так плотно, что не пролетал и муха, на рассвете слуга, отворив дверь, обнаружил лишь обезглавленное тело. Никто так и не узнал, как убийца проник внутрь и как добыл голову сановника.

У каждого ассасина своя история и неизменно одинаковый конец: насильственная смерть и безымянная могила в глуши.

Сейчас же, с коробом разносчика за плечами, он шагал по каменной мостовой, и из прорехи на старой соломенной лапте выглядывал большой мозолистый палец. Сама собой в сердце Сяхоу Ляня закралась щемящая тоска.

Зажав в кулаке серебро и пиная камушки под ногами, Сяхоу Лянь завернул на улицу Лунфусы у Западного пригорода и приобрел там кисти, тушь, бумагу и чернильницу. Деньги никогда не задерживались в его дырявых руках, и выданные Дядей Дуанем лянны растаяли быстрее воды, оставив на дне лишь пару медных монет.

Вернувшись, он увидел у ворот поместья Се запряженные повозки и понял, что хозяин вернулся. Проскользнув прежним путем во Двор Осеннего Тунгового Дерева, он вручил Се Цзинланю письменные принадлежности.

Тот от изумления лишился дар речи, а Сяхоу Лянь, сияя от гордости, ждал слов благодарности со слезами на глазах. Вместо этого Се Цзинлань схватил его за руку и с гневом в голосе выпалил:

— Откуда ты опять это украл? Эту пагубную привычку тебе необходимо искоренить!

— С чего ты взял, что я их украл? — возмутился Сяхоу Лянь, но тут же осекся.

Набор для письма стоил немало. Заяви он, что купил его, пришлось бы объяснять

происхождение денег, поэтому парню оставалось только уныло буркнуть:

— Ладно, украл. И что с того?

— Ты! — Се Цзинлань от злости не находил слов.

Сяхоу Лянь закатил глаза:

— Да не переживай ты так, никто ничего не заметил, вам за это не влетит. Пользуйся на здоровье.

От этих слов Се Цзинлань разъярился еще сильнее. После вчерашней авантюры с похищением книг он незаметно для самого себя уже записал Сяхоу Ляня в свои люди. Он боялся вовсе не того, что пострадает сам, а того, что слуге переломают руки. Ему и в голову не приходило, что Сяхоу Лянь осмелился тайком покинуть поместье — он думал, что вещица утащена из чужих покоев в том же доме. Главная госпожа славилась змеиным нравом, злобой и патологической жадностью; попадись он ей на глаза, порции отборных плетей было не миновать.

Се Цзинлань отличался нравом упрямым и до последнего стоял на своем. Произнести ласковые слова заботы он не умел, а потому рявкнул со злостью:

— Верно, я боюсь, что из-за тебя пострадаем и мы! Нам в этом доме и без того житья не дают, а если ты снова натворишь бед, я посмотрю, как ты будешь расхлебывать! Я не стану этим пользоваться, чтобы больше такого не повторялось!

Спрятав кисти, тушь и бумагу на дно шкафа, он твердо вознамерился дать им покрыться пылью. Сяхоу Лянь, чьи добрые намерения втоптали в грязь, чувствовал себя не только обиженным из-за потраченного серебра, но и глубоко уязвленным. Назло друг другу они принялись молча работать в саду, стараясь не пересекаться.

В этот момент во двор стремглав вбежала радостная Ляньсян, звонко закричав:

— Молодой господин! Молодой господин! У меня отличные новости!

— Какие еще новости?

— Хозяин только что в кабинете проверял успехи старшего молодого господина, и угадай, что он там нашел?

И гадать было не нужно — конечно же, весенние картинки, которые Сяхоу Лянь подкинул на стол.

Не дожидаясь ответа, Ляньсян радостно выпалила:

— Хозяин обнаружил трактат Ли Цзи, обернутый вокруг тома с непристойными картинками! От гнева отец едва не лишился рассудка: схватил плетку для избияения учеников и отходил старшего господина так, что тот еле унес ноги, и даже заступничество главной госпожи не помогло! Ха-ха-ха, теперь-то у старшего братца надолго пропадет охота чинить нам пакости. Говорят, хозяин лупил его добрых полчаса, теперь старший браточек с постели встать не сможет!

— ... —

Се Цзинлань толкнул створку окна и увидел Сяхоу Ляня, который как раз полоскал белье у колодца, бросая на него многозначительные взгляды.

Заметив знакомое исподнее, Се Цзинлань поспешно отвернулся, распахнул дверцу шкафа и обнаружил, что спрятанное там белье куда-то пропало — судя по всему, его забрала Матушка Лань.

В этот момент над ухом раздался ехидный голос Сяхоу Ляня:

— Молодой господин Цзинлань, неужто вы вчера ночью в постель напрудили?

— Сяхоу Лянь, замолчи немедленно! — Се Цзинлань с грохотом захлопнул окно.

Целых три дня Се Цзинлань не разговаривал с Сяхоу Лянем. Впрочем, тот ничуть не переживал: продолжал выполнять свою работу и заодно разорил все птичьи гнезда по периметру Двора Осеннего Тунгового Дерева.

На душе у него было легко. Се Цзинлань оказался тем еще ханжой: стоило ему лишь пару раз взглянуть на фривольные картинки, как в нем проснулся живой интерес. Спрятав этот секрет в глубине души, Сяхоу Лянь припоминал его всякий раз, когда Се Цзинлань начинал дуться и капризничать, и это помогало ему легко справляться с непростым характером хозяина.

Поразмыслив, он решил, что уже полностью раскусил нрав Се Цзинланя.

Этот парень страдал замашками капризной барышни: с ним ни в коем случае нельзя было баловать, иначе он становился невыносимо манерным.

Во-первых, у него обнаружилась отвратительная мания чистоты: одежда обязана быть выстиранной до скрипа и без единого пятнышка, чашки и палочки — сиять чистотой так, чтобы в них отражалось лицо, и если посуду не перемывали раза четыре, проверка считалась проваленной. Во-вторых, этому бездельнику взбрело в голову делать замечания даже за то, что Сяхоу Лянь чавкает во время еды, не моет руки перед обедом и не полощет рот после.

Сяхоу Лянь привык жить беззаботно, ведь на горе отроду не было столько правил. К тому же он мужчина, а настоящий муж не цепляется за мелочи — вечно следить за тем, аккуратен ли твой наряд и безупречна ли трапеза, пристало лишь сварливым старухам. Ему были чужды и тщательная забота Се Цзинланя о собственной чести и достоинстве, и его стремление соответствовать образу благородного мужа из знатного рода. Всё это казалось Сяхоу Ляню чистой воды надуманной возней от нечего делать, а самого хозяина он считал прирожденным источником хлопот.

Но что поделать, если он всего лишь слуга? Причем личный слуга капризного господина, и даже понимая, что потакать ему нельзя, приходилось терпеть. Сяхоу Лянь даже сделал вывод на будущее: жену себе он точно выберет совсем не похожую на Се Цзинланя.

На третий день молчания, поужинав, Се Цзинлань по обыкновению уединился с книгой. Раскрыв страницы, он обнаружил меж ними крошечный желтый цветочек, который чудом сохранился и дивно смотрелся на пожелтевшей бумаге.

— Нравится? — Сяхоу Лянь просунул взъерошенную макушку в оконный проем.

Подняв цветок, Се Цзинлань скривил губы в брезгливой гримасе:

— Его же совсем раздавило, уродство какое-то.

— Ой-ой-ой, между прочим, кое-кто прошагал ради него немало дорог, приложил столько сил и выбирал среди тысяч других! Этот цветочек — прямое отражение моего сердца, обращенного к вам, молодой господин Цзинлань! — наигранно сокрушенно вздохнул Сяхоу Лянь.

Глядя на это кривляние, Се Цзинлань чувствовал, как у него болят глаза, сердце и печень одновременно, и демонстративно отвернулся.

— А если серьезно, хозяин нынче не только сам вернулся, но и привез кое-кого с собой. Вы наверняка слышали это имя — Дай Шэньян, знаете такого?

Листая книгу, Се Цзинлань равнодушно бросил:

— Знаю. Он наставник отца, сдал экзамены на высшую степень в двадцать восьмом году правления Ци Юань, состоял в академии Ханьлинь, а дослужился до должности главы ведомства ритуала. У него учеников по всему свету, его называют главным наставником академии.

— Воистину так! Глава ведомства ритуала — чиновник четвертого ранга, куда выше вашего напыщенного отца, — Сяхоу Лянь ловко перемахнул через подоконник в комнату. — Он намерен взять ученика и завтра в Павильоне Любующихся Цветая лично проэкзаменует молодежь из клана Се. Молодой господин, это редкий шанс, мы обязаны что-то придумать,

чтобы пробраться туда.

Се Цзинлань сначала хотел отчитать Сяхоу Ляня за недопустимую привычку залезать в комнату через окно, но, услышав, что Дай Шэнъянь набирает учеников, широко раскрыл глаза. Дай Шэнъянь издавна ценил таланты и даже заранее вышел в отставку, чтобы уступить дорогу молодым дарованиям. Если удастся стать его учеником, жизнь Се Цзинланя круто изменится к лучшему.

Однако его тут же одолели сомнения:

— Я никогда не учился в нормальной школе, лишь урывками слушал лекции учителей, да и книги прочел далеко не все. Разве я справлюсь? К тому же после истории с похищением книг главная госпожа наверняка насторожилась, боюсь, меня и близко не подпустят к Господину Даю.

Сяхоу Лянь приобнял Се Цзинланя за плечи и ободряюще улыбнулся:

— Справимся или нет — узнаем, попытка не пытка, от одного раза кусок от нас не отвалится. А с этой главной госпожой у твоего покорного слуги найдется способ совладать.

Увидев уверенность на лице Сяхоу Ляня, Се Цзинлань невольно усомнился:

— Сяхоу Лянь... почему ты так стараешься мне помочь?

Да потому что я человек добрый! — Сяхоу Лянь едва не выпалил это без раздумий, но, повернувшись, заметил, как внимательно Се Цзинлань смотрит на него. Ресницы юноши легонько трепетали, словно птичьи перышки, а на безупречной, белой, словно тонкий фарфор, коже проступал едва заметный пушок.

За все свои двенадцать лет Сяхоу Ляню еще не доводилось встречать столь пригожего молодого господина. Растянув губы в улыбке, он произнес:

— Да как я мог остаться в стороне, когда мой уважаемый молодой господин Цзинлань так хорош собой, так жалостлив и трогателен, что от одного взгляда кружится голова! Ради вас я, Сяхоу Лянь, готов хоть на гору ножей взойти, хоть в огонь броситься!

— ... —

Се Цзинлань опустил руку на лицо, мысленно коря себя за то, что вообще задал этот вопрос.